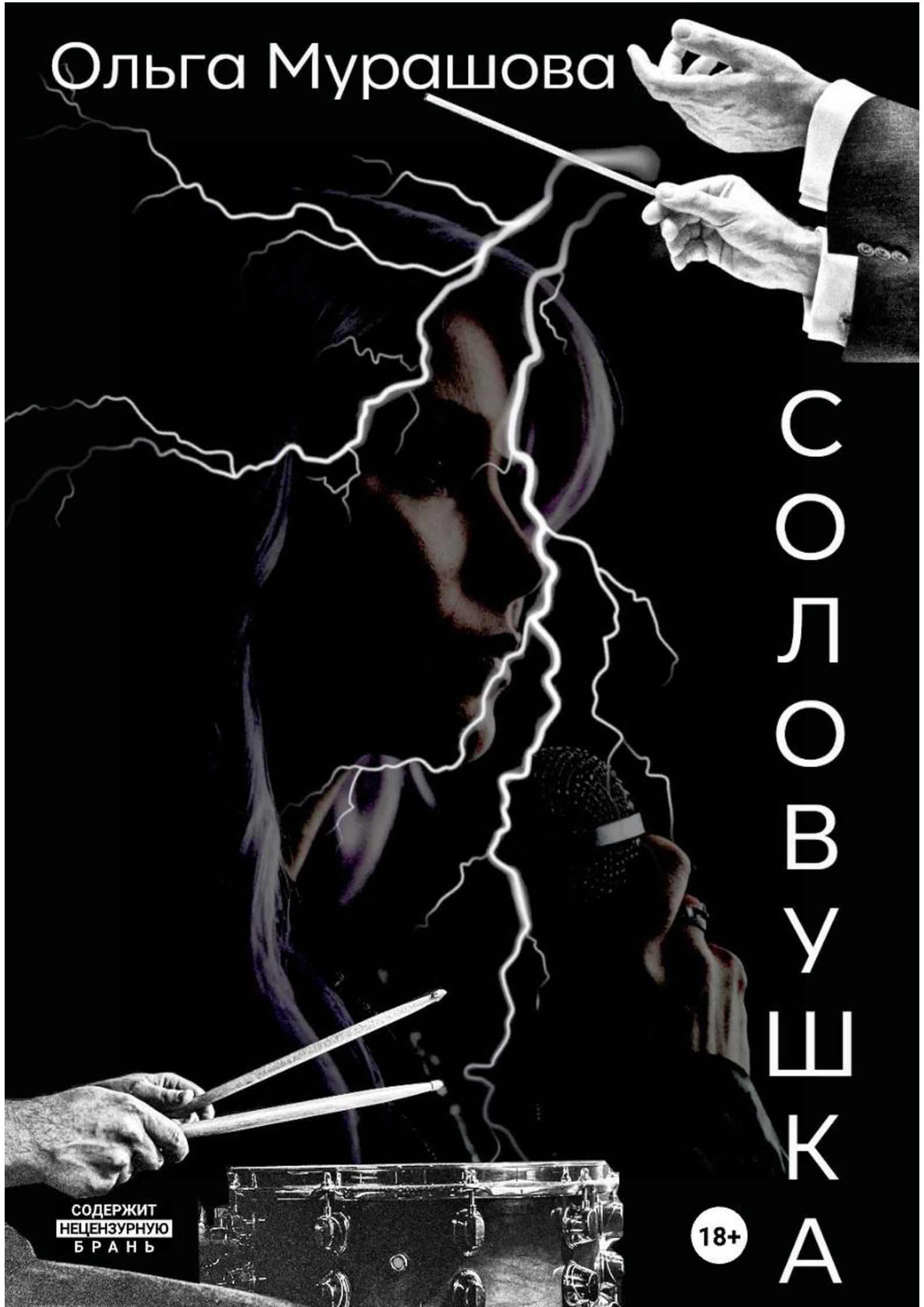

Ольга Мурашова

СОЛ
ЛО
В
У
Ш
К
А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Мурашова

Соловушка

«Автор»

2026

Мурашова О.

Соловушка / О. Мурашова — «Автор», 2026

Жизнь Кирилла Соловьёва - просто мечта. Хорошая работа, приличная семья, всё в шоколаде. Но только не для него самого. Ту жизнь, о которой он мечтал сам, у него однажды отобрали и, как ему казалось - навсегда. Выпивка, тусовки и череда прелестных подружек неплохо помогли ему забыть о том, что он потерял пятнадцать лет назад. Вот только у Кирилла есть и вторая сторона, о которой ничего не известно тем, кто знает его только как редактора в модном издательстве и сына известных родителей. Кирилл готов был играть в прятки до конца жизни. Пока однажды рано утром не услышал под своим окном песню, еще не зная, что фальшивящий, с хрипотцой, голос укажет ему путь к настоящему себе.

© Мурашова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Мурашова

Соловушка

Глава 1

— Послушай, Соловьёв, ты клялся мне, что в этом отеле не будет русских.

— Может, они не отсюда.

— Тот, кому они кричат — отсюда.

Шум в самом деле начинал раздражать. Мы с Викой не закрыли на ночь окно, потому что у нас нашлись занятия поинтереснее, и, как назло, прямо на следующее утро под балконом начали звучать отвратительно жизнерадостные женские голоса. Дуэт хрипловатого меццо и звонкого сопрано.

Сначала они хихикали, потом меццо начала звать какую-то Лизу, а после началось совсем уже безобразие. Сопрано затянула на итальянском неаполитанскую “La spagnola”, а меццо попыталась подпеть ей, но сфальшивила на второй строке и тут же зашлась хохотом. Я прекрасно знаю итальянский, и исполнение резало мне уши — певунья, судя по всему, затвердила текст без попыток его осознать. Половину слов она перевернула. К тому же сопрано было не чистым, с каким-то раздражающим обертоном и периодически давало петуха.

Я покосился на столик, на котором ещё с вечера стояло ведёрко с растаявшим льдом, из которого торчала опустошенная нами с Викторией вчера бутылка — я тоже своего рода романтик и не укладываю женщину в постель без прелюдии и обязательных брачных танцев. Для меня это приятная игра и играю я по правилам. Но про ведёрко я вспомнил по другой причине. Это была единственная ёмкость в нашем номере, которую можно было наполнить водой и обернуть на веселящихся под моим окном нахалок.

Окончив куплет, голос прекратил издеваться над великим итальянским языком и перешёл в припеве на русский перевод. “О прерви же свой сладкий сон, о, выйди на балкон!” — припев дался сопрано полегче, голос внезапно попал во все ноты, и в нём появилось что-то вроде эмоций. Голос звал, обещал и был так игрив, что если бы я был Лизой — я бы вышел.

Вика закатила глаза, а я бросил взгляд на часы — что ж им не спится-то в такую рань? Ну выходи же уже, Лиза, думал я, и побыстрее. Давай, постарайся. Заткни их, наконец.

Я подкрался к окну и отвёл ладонью одну штору, ровно настолько, чтобы можно было увидеть нарушительниц моего спокойствия.

О боже, только не это.

На асфальте стояли две ну, девицами они были лет двадцать назад, но тётками их было ещё не назвать. Женщины. Обеим было лет под сорок точно. Сопрано принадлежал стоящей в третьей балетной позиции даме с сиреневыми волосами, собранными в хвост, рядом залиvisto хохотала владелица меццо — короткостриженная брюнетка. Обе были одеты на пробежку — в футболках и коротких, по случаю жары, свободных шортах. Стройные, меццо так даже тощая, с крепкими ногами и почти отсутствующей грудью, а щиколотку сопрано обнимала докучи пошлая цветная татуировка. Фиалковокудрая Афродита была обращена лицом прямо к моему балкону, её рука тянулась в мою сторону, и получалось, что серенаду она исполняла именно мне. Голубые глаза чуть не поймали мой вороватый взгляд в просвете портьер.

Соседнее окно внезапно стукнуло, распахнувшись, и оттуда донёсся третий голос:

— Заткнитесь уже, сейчас спущусь.

— Упс, это не то окно, — меццо хлопнула себя ладонью по лицу. — Нинка, твоя серенада была не по адресу.

— Что ж, надеюсь, им тоже понравилось, — ответила сопрано и мерзко, тоненько захихикала.

Зря надеетесь, дамы, подумал я. Совсем не понравилось.

Из дверей отеля, зевая, выползла третья бегунья, и вся троица трусцой покинула двор.

Уф. Занавес!

Я отпустил шторы, легко прошелествующую по паркету, и обернулся к кровати, где, даже не пряча под простынью обнажённое тело, возлежала Вика, и это зрелище занимало меня гораздо больше, нежели суета за окном.

Она словно сошла со страниц глянцевого журнала прошлого десятилетия, когда там ещё ничего не слышали про бодипозитив, писали токсичные статьи о том, что если женщина питается чем-то, помимо сельдерея, то путь ей в жирные коровы, и нещадно фотошопили все снимки под один стандарт. А передо мной был не фотошоп, всё исключительно натуральное — и длиннющие ноги с изящными щиколотками, и круглые ягодички, такая же круглая грудь, водопад золотых волос на плечах и личико с прелестными щёчками и пухлыми губами.

Было бы ей лет на десять больше — я бы засомневался в натуральности всей этой убийственной красоты, которой я с момента начала нашего романа так и не мог пока насытиться, уж больно она была идеальной, но в её двадцать три года время для вмешательств ещё не пришло. И больше всего мне сносило крышу от факта, что я в любое время могу протянуть руку и взять всё это себе.

Например, прямо сейчас.

Я начал прикидывать, как бы мне хотелось это сделать. Пожалуй, на этот раз я не желал африканской страсти, я хотел её медленно и лениво.

— Убрались, наконец-то?

— Воспринимай это, как пение птичек, дорогая, — сказал я, скользя взглядом по аппетитному Викиному бедру. Может быть, догги-стайл? Вид её спины с уютными ямочками над крестцом лишал меня разума.

— Я была уверена, что ты скажешь этим соловьям, куда им надо идти. Завелись с утра пораньше.

— Соловьи поют только ночью до рассвета, Вика. Потом им некогда. С утра пораньше — это лазоревки, дрозды. Щеглы ещё, — рассеянно уточнил я, когда мой взгляд упёрся в её круглую грудь.

Или усадить её сверху? Отличный вид мне будет обеспечен и в этом случае, но усилий я затратю меньше.

— Да пофиг. Мог бы и разогнать этот птичий хор, мужик ты, или куда? Или мне самой надо?

— Я же не мог выйти на балкон *прямо так*.

Разумеется, я тоже был не одет. Посему то, о чём я думал в данный момент, разглядывая её роскошное тело, для Вики было предельно очевидным.

— У-у, Соловьёв. Никогда не думала, что филологов *настолько* прёт с русского языка. Стоило тебе только услышать за окошком родную речь Ну раз так, тогда иди сюда, — рука Вики погладила простыни рядом с собой. — До завтрака у нас найдётся время ещё на один заход.

На следующее утро под окном снова было шумно. Песен уже не пели, но переговаривались и хихикали. Те же голоса, что и вчера.

Чёрт, Лиза, думал я, вдавливаясь лицом в подушку, ну сколько можно копать, какая же ты необязательная женщина! Я уже готов был выяснить, в каком номере она живёт, и подарить ей будильник. Я бы даже ленточкой его обвязал.

Но раз Вика просила поставить этих дам на место, надо попробовать выразить им своё неудовольствие. Я быстро обернул бёдра полотенцем — за халатом надо было идти в ванную, что создавало риск опоздать на разборку, и открыл балконную дверь.

— Леди, доброе утро.

Две пары глаз — карие и голубые, синхронно поднялись на звук моего голоса. Сегодня дамы собрались на велосипедную прогулку, отметил я, обратив внимание на два прислоненных к одинокому дереву во дворе велосипеда. Третий сопрано держала за седло. Обе распахнули рты — очевидно, им тоже сказали, что русских в этом отеле не будет. Но тощая меццо быстро очнулась, окинула меня взглядом и одобрительно присвистнула.

Я бы оценил комплимент, будь он не в такой пошлой форме. Да и вышел я не для того, чтобы впечатлять их своим сложением, тем более, что оно было хоть и общественно одобряемым, но не идеальным. Семь из десяти девушек, которым я предлагал выпить вместе, моё предложение принимали. Но три-то отказывали. В сегодняшней выборке была одна положительная реакция и одна нейтральная. Хотя нет, если считать Вику — положительных было две, так что стандартная пропорция приблизительно сохранялась и тут.

Облокотившись на перила, я продолжил:

— Я был бы очень признателен вам, если бы вы собирались по утрам в другом месте. Вы второй день мешаете мне спать.

— Так это мы вам вчера серенаду пели? — улыбнулась сопрано. — Извините, мы думали, что это окно нашей подруги. Больше не будем.

— Больше не надо. Пение — это не ваше, особенно на итальянском. Он у вас ужасен. Признавайтесь, вы же его никогда не учили?

Дамы залились смехом. Соседнее окно скрипнуло, открываясь, и из него высунулась лохматая русая голова.

— Сейчас спущусь, — голова повернулась в мою сторону и почти тут же снова скрылась.

Стукнула ещё одна оконная рама, на этот раз сверху, и оттуда раздались отборные ругательства на хорошем итальянском. Я только успел поднять вверх указательный палец и открыл рот, собираясь поставить это произношение в пример сопрано, как на меня обрушился поток ледяной воды, мимо моего уха просвистел пластиковый тазик, и, упруго отскочив от перил балкона, шумно покатился по двору. Соседи сверху думали о том же, о чём и я, но вот не удержали ёмкость, не удержали.

Бракоделы.

Хохот, как и следовало ожидать, только усилился, а велосипед сопрано гулко грохнулся о белые камни, которыми был вымощен двор. Похоже, в нашем отеле сегодня не выпится никто.

По моему лицу и телу бежали капли, бедра облепило промокшее насквозь полотенце, а я думал, что, с одной стороны — могли бы и тёплой набрать, изверги. А с другой — что ж, теперь я окончательно проснулся.

Русоволосая Лиза, пропустившая весь спектакль, уже принимала велосипед у задорно хохочущей подруги, явно не понимая спросонья, что вызвало такое веселье. Фиалковокудрая сопрано, обернувшись, скользнула по мне взглядом, смутилась и отвернулась. А потом повернулась снова:

— Извините ещё раз. Спокойной, эээ ночи.

Ее подруги уже выкатывались из двора. Сопрано вскочила в седло и помчалась их догонять.

— Что случилось? — Вика смотрела на меня круглыми глазами, когда я закрыл за собой балконную дверь и начал утирать мокрым полотенцем лицо, куда ещё текло с волос.

— Пока я думал, другие делали, Вика. Но дамы обещали больше не шуметь.

Дамы слово сдержали — следующее утро было тихим. Настолько, что я проснулся от тишины и понял, что сна у меня ни в одном глазу. Я обернулся на сладко сопящую Вику, но лежать уже не было никаких сил, и я встал и подошёл к окну. Немного откинув занавеску, я выглянул во двор — пусто. Даже жаль.

Я к этим дамам не был в претензии — они меня забавляли. В отличие от Вики, которая бесилась, только услышав их голоса. Бесплатное же шоу, можно сказать. Скоморохи.

Или скоморошицы? Мне нравились феминитивы, о которые не ломается язык.

В моём окружении вести себя так, как они, считалось следствием дурного воспитания, но непосредственность этих трёх немолодых граций была по-своему прелестной. Вика, в отличие от них, была воспитана хорошо. А ещё она была юна, сложена, как богиня, не трогала рыбу ножом и умела поддержать светскую беседу, ну, или многозначительно замолчать там, где требовалось, или где беседа уходила в русло вне её компетенций, увы, весьма ограниченных. И не заходилась смехом по каждому поводу.

Она была одобрена моими родителями “для выхода”, и я спокойно мог появляться с ней на премьерах, выставках и прочих мероприятиях такого толка, но, разумеется, не для чего-то более серьёзного. Для чего-то более серьёзного, по их мнению, годились только девочки из хороших семей, а круг этих семей они, мои родители, определяют сами.

В этом кругу я насчитал примерно пяток старых дев, а остальные приличные девочки ещё не закончили школу. Закончив школу и проявив здоровый интерес к противоположному полу (и прочим жизненным удовольствиям), девочки переходили для моих родителей в категорию неприличных, и жениться мне, таким образом, в ближайшее время не светило в связи с полным отсутствием одобренных кандидатур. Да и слава богу, если честно. Продолжить славный род Соловьёвых я мог и позже.

Взамен мне удалось выторговать для себя свободу встречаться почти с кем захочу, с аргументацией уровня “для здоровья” и условием “не позорить родителей на людях” — тоже довольно расплывчатым. Позорю я их или нет, я обычно узнавал по факту. Мою сыновнюю почтительность папенька и маменька поддерживали такими откровенными манипуляциями, что я, образованный человек тридцати двух годиков отроду, каждый раз, когда мать хваталась за сердечные капли, а отец угрожал лишить наследства, удивлялся, почему это на мне ещё срабатывает.

Несмотря на Викины многочисленные таланты, в постель она меня тащила долго. По её изначальной задумке я должен был достаться ей переходящим призом от её подружки, такой же юной бездельницы, ой, простите, художницы, которая после нашего расставания дала мне очень лестные рекомендации. Но я в тот момент уже вляпался в короткий роман со стажёркой из “Литературной газеты”, бурный настолько, что я не сразу заметил, как Вика начала *случайно* попадаться мне на глаза по всем тусовкам, на которые я выбирался, только что у подъезда не дежурила. И однажды, рассматривая под шампанское на каком-то вернисаже жемчужную нить на её шее, сбегаящую в ложбинку между грудей, я решил — а почему, собственно, нет? Клянусь, она выдохнула с облегчением, когда я, наконец, пригласил её к себе. И пока я об этом решении не пожалел. Мне некогда было жалеть.

В житейском плане Вика оказалась умненькой, не смотри, что путала оппортунизм и апартеид: обеспеченный, постарше неё, хорошо одетый, с собственным местом для свиданий, кандидатской степенью и хорошо подвешенным языком, я выгодно смотрелся на фоне окружавшей её подружку богемной шантрапы, даже без учёта того, о чём та рассказывала ей шёпотом на ухо. И настолько же хорошо Вика понимала, что эти отношения не навсегда — я и сам не помню, какие у меня были хотя бы более-менее продолжительными.

А что самое смешное — чёрт побери, я-то был совершенно не против продолжительных! Формат one night stand я пробовал пару раз и он меня категорически не устраивал, к тому же хотелось запоминать в год хотя бы одно имя вместо трёх. Я оказался, как та корова из анекдота — “А поговорить?”. Просто наговаривался всякий раз очень быстро, остывая к каждой своей даме месяца через два, почему — бог весть, но со временем ситуацию принял и эти два месяца старался сделать для них максимально приятными. Чтобы было, что вспомнить, и остаться для них хорошим бывшим.

Вика вот потом будет, улыбаясь, вспоминать наши каникулы в Италии: много солнца, вкусной еды, много вина и умопомрачительный секс с ласковым и умелым парнем. И это “потом” случится ещё месяца через полтора, не раньше. Она даже успеет забыть этот неприятный инцидент с взбесившими её буйными соотечественницами.

Я внезапно обнаружил себя насвистывающим мелодию “La spagnola”.

До чего же прилипчивая песенка.

Весь день я был в настолько хорошем настроении, что вечером умудрился снова перебрать с вином, и на следующее утро мне пришлось в искупление своего греха отпустить Вику разорять модные миланские лавки в одиночестве, а самому остаться в номере с занавешенными наглухо окнами. Главное, думал я, пытаюсь унять звон в раскалывающейся голове — постараться сдержаться и не набраться и сегодня тоже. Назавтра у нас была заказана экскурсия на какой-то уникальный виноградник, куда Вике настойчиво рекомендовали попасть. Пока что я не мог разделить её энтузиазм: любая мысль о виноградниках, винодельнях и их продукции вызывала приступ тошноты.

Налив себе стакан воды, я, поддавшись какому-то искушению, откинул штору и только успел увидеть три пары жилистых ног в кроссовках, трусивших вон со двора. Молодец, Елизавета, как там тебя по отчеству, ты делаешь успехи, думал я, опустошая стакан. Но взглядом залип на цветное пятно на щиколотке другой дамы и очнулся только тогда, когда оно пропало из поля зрения.

Выйти из номера в относительно приличном виде я смог только к вечеру. Мысль о еде уже не вызывала отвращения, даже наоборот, я ощущал вполне заметный голод, который и выгнал меня в направлении ближайшего кафе. Вика сообщала, что вот-вот уже соберётся назад, но ждать её я не стал — настолько хотелось есть. Я выбрал столик на улице, сделал заказ, и пока неторопливые повара в этой трагтории готовили мой ужин, он же обед и завтрак, пил кофе и разглядывал посетителей.

За одним из соседних столиков сидела дама, словно телепортировавшаяся сюда прямоком с одного из парижских бульваров. В чёрном платье на бретельках и тёмных очках, она задумчиво крутила перед собой бокал с вином и смолила самокрутку.

Мой взгляд опустился ниже. Платье было длинным, два разреза по бокам показывали ножки в открытых сандалиях, но лишь чуть-чуть, до колена. Дама закинула ногу на ногу, и тут я вляпался своим взглядом прямо в цветную татуировку на щиколотке.

Певунья. Как бишь её Чёрт, её подруга называла имя, но оно напрочь вылетело у меня из головы. Её сиреневые локоны почти полностью скрывались под лихо заломленным на затылок соломенным канотье из ближайшей сувенирной лавки, с чёрной лентой в тон платью, поэтому я и не узнал её сразу. Лишь пара выбившихся прядей спускалась на длинную шею, переходящую в спину, которую платье открывало гораздо откровеннее, нежели ноги. Удавлив свою самокрутку в пепельнице, она повернула голову и заметила меня. На её лице был макияж, не очень очевидный, но он был. Она растянула в улыбке подкрашенные губы и помахала мне рукой. Что ж, придётся проявить немного вежливости.

Я подхватил свою чашку и присел за её столик.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — она сняла очки и положила их рядом с ножкой своего бокала. — А в одежде вы так же хороши, как и без.

Я опешил. Во мне боролись чувство удовольствия от комплимента с ощущением, что комплимент предельно неуместен, особенно от женщины, которую я видел третий раз и первые два были издалека.

— Вы такой смешной, когда удивляетесь. Не волнуйтесь, это во мне говорят два бокала вина. Трезвую меня вполне можно показывать английской королеве. Выспались?

— А где ваши подруги?

— Лиза опять копается и Дина пошла её поторопить. Вот, развлекаюсь тут с бутылкой.

— Вас вчера не было во дворе.

— Да, мы ходили купаться. Встретились прямо там.

Я положил обе руки на столик и удивленно наклонил голову. Разнообразие увлечений этих дам начинало поражать даже меня.

— Готовитесь в триатлон?

Незнакомка подалась ко мне и заговорщицки прищурилась. Теперь я мог рассмотреть её лицо в самых мелких деталях. Пожалуй, сорок ей уже исполнилось. Никакая косметика уже не могла замаскировать вертикальную складку между её бровями. Не справился бы и ботокс — моя матушка уже испытала на себе некоторые новинки индустрии вечной молодости и неплохо в ней понимала. Ну и я немного, за компанию.

— Упаси господь, — сказала она и расхохоталась. Говорила она чуть ниже, чем пела, на полтона, и обертон, так раздражавший меня в первый день, как я его услышал, в этот раз не резал слух, а придавал голосу перчинку. Учитывая самокрутку, я даже понял, откуда он у неё взялся.

— Кирилл, — я протянул ей руку.

— Нина, — она слегка пожала мне пальцы.

Точно. Нина. Теперь я вспомнил. Тем временем моя рука неожиданно поднесла её пальцы к губам.

— Вы москвич. Коренной, да?

— Да.

— Старомодные манеры и характерный выговор.

— А вы?

— Петербурженка. Тоже коренная.

— Вы не настоящая спортсменка, верно? — я кивнул в сторону пепельницы с двумя окурками.

— Нет, бегаем мы для души, причём в прямом смысле. Знаете, есть выражение “бегом от инфаркта”, а у нас это “бегом от психушки”.

— А чем же вы занимаетесь? Что не пением зарабатываете, это я в вашем голосе уже услышал. За это не платят.

— Вожу трамвай.

Я опешил второй раз.

— Какой?

— Четвертак. Но иногда и другие маршруты.

— Вы меня разыгрываете, Нина.

— Ни капельки. А чем занимаетесь вы?

— Я литературный редактор и немного критик.

— Понятно, вы профессиональный зануда. Молодой и привлекательный зануда. Как вас угораздило в таком возрасте, а?

Чёрт, она что, флиртует со мной? Я пристально посмотрел на неё — на солнце её голубые глаза стали совсем светлыми и даже немного отливали бирюзой, чёрные зрачки весело поблёскивали в тени длинных накрашенных ресниц, а на щеках заиграл очаровательный румянец.

— Нина, это точно были только два бокала?

— Два с половиной. Ваше здоровье, — она подняла бокал и допила его одним глотком. — Теперь три. Там вашу еду принесли.

Я оглянулся. Возле столика, за которым я раньше сидел, в самом деле мялся официант. Я поднял руку и по-итальянски попросил его поставить всё на столик, за которым я беседовал с Ниной.

— Красиво сказано, но ничего не понятно, — Нина подпёрла голову рукой. — И чудовищно аппетитно пахнет, но мы сегодня ужинаем в другом месте. Как только эти две курицы перейдут дорогу, я с вами попрощаюсь.

С другой стороны улицы в самом деле шли её подружки, расфуфыренные, как в театр. Брюнетка Дина сверкала красивыми коленками из-под подола короткого белого платья, а чуть сзади семенила засоня Елизавета, путаясь в аккуратно уложенных русых локонах и подметая мостовую бордовыми палаццо. Когда они подошли ближе, меня обдало ароматом мускуса. Дамы словно собирались на охоту, и я готов был пожелать им удачи от чистого сердца.

— Знакомьтесь, это Кирилл, мы каждое утро не даём ему спать.

— Лиза, — недовольно протянула моя русоволосая соседка.

Уж тебя-то, красотка, я запомнил хорошо, подумал я. Красотка переминалась с ноги на ногу и постоянно пыталась заправить волосы за уши. В локонах ей было явно неудобно.

— Динара, — сказала вторая.

— До свидания, Кирилл, — Нина поднялась с плетёного стула, даже не подав мне руки на прощание. Но моё вышколенное тело моментально вскочило вслед за ней, а ладонь поймала её пальцы, чтобы ещё раз поднести к губам.

Я не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за её реакцией. В эту игру, Нина, подумал я, можно играть и вдвоём. Перед подружками так весело не будет, верно?

За спиной я снова услышал бесцеремонное посвистывание Дины. Нина, посерьёзневшая и покрасневшая от неожиданности, резко выдернула пальцы, словно моя ладонь была капканом на крупного зверя и она могла их лишиться, и тут же повернулась ко мне спиной. Неразлучная тройца медленно, по причине каблучков, поплыла вниз по улице, хотя по напряжённой спине певуньи я видел, что ей не терпится убраться от меня подальше. Ну вот и славно.

Я уселся за столик, немного проводил их взглядом, и повернул вилку в тарелке с пастой, и в самом деле источающей умопомрачительный аромат.

— А ты, гляжу, тут прям вообще не скучаешь.

За моей спиной стояла Вика с тремя пакетами, судя по надписям на которых, мой счёт основательно похудел. Пришлось бросить пасту и вскочить ещё раз.

— Привет, родная, — я обнял её и поцеловал в губы. — Как твой шоппинг?

— Не настолько яркий вайб, как у тебя, похоже.

Я бросил через её плечо взгляд ниже по улице. Нина стояла и смотрела на меня.

Секса этой ночью у меня не было.

И то, что его не будет, я понял, уже переступая порог отеля. Я кожей почувствовал электрическое напряжение, готовое разразиться грозой, как только Вика дотерпит до номера. Её воспитание не позволяло ей закатывать скандалы публично.

— Соловьёв, ты вообще не фильтруешь, что ли, кого трахать, лишь бы дышала? — бушевала она, стоило нам оказаться за закрытой дверью номера. — Да ты бы хоть в Тиндере свайпал, а не на улице подбирал! Эта уставшая роскошь с винишком в термосе тебе в матери годится!

— Вика, послушай — начал было я, делая к ней шаг, но в следующую секунду мне в грудь ударили обе Викины изящные ладошки, да так, что я плюхнулся задом на кровать и закашлялся.

У меня потемнело в глазах — похмелье в последнее время перестало проходить для меня даром. Вика продолжала что-то мне высказывать, но я так опешил, что не понимал половину её слов, оказавшихся обценным молодёжным сленгом, с которым я не очень дружил, тем более, что в запале она скакала с претензии на претензию, и, в конце концов, я окончательно перестал понимать в чём же именно меня обвиняют. Более-менее ясен был только основной пункт, высказанный мне с применением непечатных выражений. И куда только подевалось её прекрасное воспитание?

— Это был просто разговор — сделал я ещё одну попытку.

Тут же мне в лицо полетела моя кредитка, выданная утром на покупки. Я успел зажмуриться и её твёрдый краешек врезался мне в скулу. Тогда я благоразумно решил молчать и не шевелиться — мало ли что Вика схватит следующим. А драться я не умел.

Поэтому сидел на кровати, слушал и недоумевал — как я мог в ней так ошибиться. Я до конца не понял, что возмутило её сильнее: то, что я разговаривал в кафе с женщиной, или что эта женщина была старше меня, и, соответственно, её, Вики, тоже — и то, и другое она ставила мне в вину. Отдельной претензией она выставила мне то, что я *смотрел* на Нину, но, чёрт возьми, невозможно разговаривать с человеком и не смотреть на него. Это, как минимум, невежливо. Поэтому я не оправдывался — не за что. Да и я не чувствовал себя виновным, ни на вот столько — мы с Ниной просто беседовали, обычный смолл-ток.

Недоумевал я ещё и потому, что Вика заранее знала, что наши отношения долго не продлятся, поэтому предъявлять мне претензии, которые обычно предъявляют законные супруги, было с её стороны необоснованным.

Я так и сказал ей, поймав паузу в льющемся на меня потоке слов, пока ещё не успел захлебнуться в нём окончательно.

Это взбесило Вику ещё сильнее, и в скулу, уже оцарапанную кредиткой, мне прилетела звонкая оплеуха, сопровождаемая предложением сходить в пешее эротическое. Потом Вика покидала свои вещи, включая нарядные пакеты с сегодняшними обновками, в чемодан и вызвала такси.

Офигеть, кажется, меня бросили, думал я, продолжая сидеть на кровати в той же позе и прижимая ладонь к горячей огнём щеке.

Я даже дверь за Викой не закрыл, лишь услышал, как она хлопнула ей так, что задрожали стены. Откинувшись назад, я растянулся поперёк широченной кровати и закинул руки за голову, тупо пялясь в потолок. Ощущения, надо признаться, были для меня крайне необычными.

Не то, чтобы меня ни разу не бросали женщины — пару раз они успевали это сделать до того, как я сам разрывал отношения, но ни одна из них не делала этого с такими спецэффектами. Насилие дамы ко мне раньше применяли только в рамках любовных игр.

В целом, это было и неплохо — узнать о том, что Вика ревнивая и неуравновешенная, сейчас, а не когда пришло бы время сообщить ей, что наши отношения закончены. Это могло создать проблемы, а проблем я не любил. Но я за две недели, проведённые с ней в постели, только вошёл во вкус, и оттого мне всё ещё было немного досадно. Я рассчитывал провести и этот вечер, и ближайшую неделю совсем не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.